

Иосиф Баскин. "Мои дети должны знать, что я не враг народа!"

Глава из книги «Салюты и расстрелы. Записки уцелевшего» Баскина Иосифа Моисеевича. Был выслан британскими властями из Палестины за коммунистическую деятельность. По окончании в Москве Коммунистического университета был направлен в 1932 году в Биробиджан. Был организатором ряда переселенческих колхозов, работал председателем Биробиджанского райисполкома, директором МТС. Репрессирован в 1938 г. Реабилитирован за отсутствием состава преступления. С сайта «ЧТОБЫ ПОМНИЛИ»

Иосиф Баскин.

Глава из книги «Салюты и расстрелы. Записки уцелевшего»

... В конце апреля 1938 года меня срочно вызвали в Биробиджан по неотложному делу. Я обрадовался. Наверно, удастся побывать дома, переночевать в семье, обнять жену и сыновей. Дорога была разбита, вся в ухабах, но это не портило мне настроения. Я все время помнил: сегодня встречусь с товарищами, увижу жену с детьми. Остановились на площади у здания обкома.

Иду коридорами обкома, заглядываю в кабинеты - везде новые, видимо недавно назначенные, незнакомые мне люди, почти все русские. Из знакомых встретил только Соню Лерман, инструктора сельхозотдела. Она была одна в отделе. Захожу и плотно прикрываю за собой дверь. Говорим почти шепотом.

- Что нового? Где люди?

- Ой, не спрашивай, Иосиф! Почти всех взяли. Мы с тобой, видимо, последние из могикан.

- Соня, ты что-нибудь слышала о тех, кто в тюрьме? О процессе Левина, Либерберга?

- Никто толком ничего не знает. Слышала, что их держали в товарных вагонах на станции. Говорили, что тюрьма переполнена.

- А где их судили?

- Этого я не знаю. Можно предположить - по приговору, что оба состава обкома судили вместе.

- Странно. Всем известно, что между ними мало общего.

- Ты наивный человек. Ничего странного. Сварили из них обоих одну кашу - от всех разом и избавились...

... Я зашел в кабинет второго секретаря обкома Ивана Афанасьевича Смирнова. Его недавно прислали из Хабаровска. На мой вопрос о причине вызова помощник Смирнова круто меняет тему разговора.

- Вы хорошо знаете Брагина, ныне арестованного? В голосе его слышатся

новые, властные и требовательные нотки. Я вопросительно смотрю на него: что это, допрос?

- Звонил сюда Суворов из ГПУ (**в 1938 – не ГПУ, а УНКВД по ЕАО – прим. Редактора**). Ему нужны некоторые данные об арестованном. Просил, если вы приедете, чтобы зашли к нему.

- Странно, зачем я ему понадобился? Все данные о коммунистах имеются в обкоме.

- Ну, не знаю. Вы вместе работали. Что-нибудь, наверное, требуется прояснить? - он пожал плечами.

И я направился в ГПУ. Я убеждал себя: если бы меня хотели арестовать, давно могли бы это сделать раньше. Приехать, например, в колхоз и увезти в «воронке». Но не приехали же! Что? В колхозе неудобно арестовывать? А использовать обком партии для этих целей удобно?

Я купил папирос, остановился у стройки нового здания кинотеатра, покурив не спеша. И решительно шагнул к зданию ГПУ. Массивное капитальное здание, одно из немногих в городе с оштукатуренным фасадом, с портиком и круглыми поддерживающими колоннами, обрамляющими вход. Массивные ворота, обитые железом, глухая ограда, опоясанная поверху несколькими рядами колючей проволоки. Эти ворота проглотили уже не один десяток моих товарищей. Неужели теперь моя очередь?

Окно с железной решеткой навевало страх. Со стены строго смотрел Сталин. Суворова я никогда не видел, знал только, что он приехал сюда недавно и теперь управляет работой областного ГПУ (**с 03.03.1939 по 19.05.1939 - временно исполняющий обязанности начальника УНКВД по ЕАО – прим. Редактора**).

В комнату вошли двое: уже знакомый мне старшина и с ним молоденький лейтенант. Они приблизились ко мне, и старшина хрипло крикнул:

- Встать!

Я не торопился выполнять его команду, протестующе подняв голову:

- Как это понять?

Вместо ответа он схватил меня за грудки, потрянул, бросил к стене:

- Молчать!

Я не успел опомниться, как он меня обыскал, ощупал, извлек паспорт, партбилет, деньги, даже папиросы отобрал. Лейтенант, молча взиравший на все это, подошел и объявил прокурорским голосом:

- Вы арестованы, как враг народа!

- По какому праву? - возмутился я, - За что? Предъявите ордер на арест!

- Все будет предъявлено в свое время. Старшина для убедительности поднес к моим глазам бугристый, как булыжник, кулак.

- Молчи, вражина! Заткнись, а то худо будет!

Я понял, что только усугублю протестами свое положение, замолчал. Лейтенант заполнил мой формуляр. Я стоял ошеломленный, и ему пришлось по несколько раз повторять свои вопросы, прежде чем они доходили до меня. Деловито подошел старшина с ножницами, обрезал пуговицы с пиджака, брюк, рубашки. Теперь я вынужден был придерживать брюки обеими руками и чувствовал себя совсем обреченным. Вне партии, без паспорта, «враг народа» - полный букет.

Вскоре они вызвали дежурного, который также повелительно и привычно велел мне идти вперед. Он вывел меня во двор, и я там увидел еще одно одноэтажное строение с затянутыми железными решетками окнами и низкой стальной дверью. Пригнувшись, мы вошли в нее. Дежурный достал из кармана

ключ, открыл им дверь одной из камер и, видя мою нерешительность, небрежно толкнул меня в спину. Дверь за моей спиной захлопнулась.

Это была камера предварительного заключения. Когда я мало-мальски осмотрелся, то среди двух десятков потных, полуголых обитателей к своему удивлению и радости увидел знакомые лица. Гольдфайн, Брагин, Николаев, Зайд, Бейнфест - все биробиджанцы, коллеги по работе. Брагин, директор опытной станции, возмущался:

- Определенно вредители в нашем ГПУ. Арестовать меня, агронома-опытника, в самый разгар сева! Узнают об этом в обкоме партии - Суворову несдобровать! **(Видимо, память Баскина подвела. Не Брагин, а Штейн Семен Иосифович, 1903, урожен. г. Кирово Одесской обл., еврей. Агрохимик опытной станции. Арест. 17.05.1938 УНКВД по ЕАО по ст. 58-7-10 УК РСФСР. 22.05.1939 уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения, реабилитирован. Архивное дело П-84133 – прим. Редактора).**

Приходится его разочаровать:

- Ошибаешься, дорогой. Все делается с ведома партийных органов. Меня, например, вызвал секретарь обкома Смирнов и самолично направил в это учреждение. Между ними давно все согласовано.

Зайд - бывший член аргентинской коммунистической партии. На родине он неплохо зарабатывал. Но когда начали записывать желающих переселиться в Биробиджан, он вызвался одним из первых. Уехал, преодолев сильнейшее сопротивление родителей, многочисленной родни. Когда же большая часть прибывших переселенцев стала разбегаться, он не поддался панике, остался в Биробиджане. Может, потому, что еще и женился. Жена его, Дора - близкая подруга моей Тани. Я знаю, что он кристально чистый, честный коммунист, к тому же убежденный, что лучшие коммунисты - это чекисты. И вот эти люди предъявляют ему обвинение!

На воле он всегда ходил подтянутый, в свежей сорочке, а тут, за какую-то неделю согнулся, стал ниже ростом. Больше всего его тревожило, что станет с его женой и маленьким Энри.

Другой знакомый здесь, Арон Гольдфайн, все время молчит. Его тоже каждую ночь вызывают к следователю, но о ходе следствия он ни с кем не делится. Арон - высокий, черноволосый, с красивым мрачным лицом, исхудавший. Недавний руководитель Киевского еврейского института культуры, он - близкий друг расстрелянного председателя облисполкома Либерберга.

Когда его среди ночи приводят от следователя, он вытягивается на полу и замирает. Я подаю ему в кружке воду, но вопросов не задаю. Ясно без пояснений - друга расстрелянного «врага народа» не очень-то жалуют.

Рядом с ним Соломон Иосифович Бейнфест - пожилой, тучный, всеми уважаемый (первый, кто приехал в Биробиджан), один из первых мобилизованных в Биробиджан коммунистов. Он возвращается со следствия в полуобморочном состоянии. Проходит немало времени, прежде чем он оказывается в состоянии снова видеть и узнавать.

- Меня обвиняют в том, что вместе с Левиным и Либербергом я вознамерился создать прояпонское буферное государство. Биробиджан-го, наподобие Манчжоу-го. Какого?... Обвини они меня, скажем, в национализме, я бы, наверное, меньше удивился. По крайней мере, внешне звучало бы правдоподобно: как-никак, бывший работник ОЗЕТа, специфически еврейской организации. Но следователь даже не заикнулся об этом. Он сам знает, что, как, у него особый нюх на шпионов.

- И где же вас угораздило попасть в руки к империалистам?

- О, это давняя история. Еще в двадцатые годы в Москве я продался

работнику японского посольства, оказавшемуся их резидентом. Он указал мне явки, пароль для встречи, и как только представилась возможность, я немедленно связался с японскими шпионами Левиным и Либербергом. Стал получать от них задания, втираться в доверие к другим органам, ну и... Одним словом, дело пошло!

Я подумал, что он шутит - любил Соломон Иосифович веселые розыгрыши, оболванивать публику. Но оказалось, все правда: наших расстрелянных товарищей, и в самом деле, обвиняли в связях с Японией, в намерении оторвать область от СССР.

А камера все пополняется. Привели писателя Добина. Бледный, близорукий, он долго в растерянности стоит рядом с парашей у двери, надевает и снимает очки, вглядываясь в лица. Втолкнули директора областного театра Крайня. В камере становится тесно, все труднее дышать.

На первом же допросе у следователя Нуждина 20 апреля 1938 года мне было жестко сказано:

- Не прикидывайтесь! Вы заброшены к нам из-за границы. Там вы были связаны с белогвардейцами, шпионами, нашими противниками. Какие вы получали от них задания? Как часто контактировали с врагами народа в Москве, Биробиджане, других местах? Кто еще состоял в вашей шпионской группе? Учти, Баскин, с врагами мы не церемонимся. Мы умеем заставлять их выкладывать правду.

Несколько часов длился этот диалог людей, говорящих на разных языках. Я доказывал ему фактами своей жизни, что я вовсе не тот, за кого он меня принимает, он твердил одно:

- Признавайся!

Однажды меня в три часа ночи снова вызвали наверх. Комната теперь была другая, обращенная окном не к улице, а во двор. Нуждин при моем появлении взял лист бумаги и крупными полупечатными буквами вывел на нем чернильным карандашом: «Какую шпионскую контрреволюционную работу ты выполнил?» Листок прикрепил к стене кнопками. Потом схватил меня за ворот, поволок к стене, ткнул носом в листок и сказал:

- Стой и смотри! Будешь стоять до тех пор, пока не вспомнишь?

Здесь я простоял 5 суток. Стоял днем и ночью лицом к стене. Нуждин заглядывал редко. Вместо него в комнате сидел конвоир. Он наблюдал, чтобы я не присел, не упал. Когда у меня подкашивались ноги и было ясно, что я вот-вот упаду, он обливал меня холодной водой из ведра, которое стояло наготове. Остальное время читал газету, курил, закусывал, смотрел в окно.

Первый день я выдержал сравнительно легко. Когда принесли баланду и хлеб, я отказался есть. Все пять суток я не ел. Через двое суток у меня стали опухать ноги. Я чувствовал, что слабею. Я стоял, и перед моими глазами проходила вся моя жизнь, год за годом.

Не один раз встречал я на своем пути суворовых, нуждиных, я их называл уважительно: «товарищи чекисты». Они проводили чистку за чисткой, арестовывали и уничтожали троцкистов, уклонистов, аграрников. Меня это не касалось. Я был настолько наивен, что верил: те люди - враги советской власти.

На четвертые сутки, поздно ночью, он (Нуждин) привел с собой двух помощников. Они несуетливо, как видно, дело это было для них привычным, скрутили мне руки назад и начали бить. Били по лицу, по сердцу. Били все втроем. Вместе и поочередно. Один захватывал в подмышку голову. Другой бил в сердце. Третий ломал руки. Одновременно целили по опухшим ногам, в пах. Несколько раз падал, но они тут же меня ставили на ноги и продолжали избивать. Один раз подбежал сам Суворов, ткнул кулаком в лицо, в зубы и исчез.

Когда начало светать, они ушли, снова повернув меня лицом к стене - окровавленного, с разбитым, опухшим лицом и в разорванной одежде. Я едва держался на ногах, дрожал, меня знобило, но изо всех сил я старался не упасть, потому что дал себе слово выстоять.

На пятую ночь меня снова избили. На этот раз экзекуцией руководил сам Суворов. Он выворачивал мне голову, бил кулаками по лицу, кричал, тарасил глаза: «Жидовская морда». Остальные помогали ему, кто чем: ремнями, кулаками, сапогами. У меня уже не было сил стоять, я падал на стол, на них. Выливали на голову ведро холодной воды и снова: удары, дикая боль, темень в глазах, хруст костей. Я хватался за голову, за сердце. Выплевывал кровь вместе с обломками зубов. Кричал. Кричал. В какой-то момент силы покидали меня. Лежа на полу я простонал:

- Пишите, что хотите... Суворов мгновенно подскочил:
- Подпишешь?
- Пишите, что хотите, больше не могу. Нуждин диктовал:
- «Я вместе с Либербергом, Левиным планировал создать Биробиджан-го, под властью Японии...».

... В карцере я просидел две недели. Было голодно, холодно, одиноко. Особенно горько было в первомайские дни. С улицы доносилась музыка, звуки праздничной демонстрации. Я жадно ловил каждый звук. Маленькая зарешеченная щель под потолком была единственным мостиком, связывающим меня с внешним миром.

10 мая конвой вывел меня из карцера. Была ночь, мы шли по темным улицам Биробиджана. Вскоре я понял, что наш путь лежит на железнодорожный вокзал. В двух кварталах от меня находился мой дом, там спали мои дети, моя жена Татьяна. В какой-то момент мне даже показалось, что я вижу окно нашей квартиры на втором этаже. Но конвоиры не позволили мне даже чуть замедлить шаг, чтобы взглянуть в него.

Вскоре вместе с другими я уже трясся в арестантском вагоне.

В начале августа 1939 года по нашему беспроволочному телеграфу пришли вести о каких-то важных переменах в верхах. Вскоре новости обсуждали в камерах. Это было поразительно: Ежова сняли с работы и арестовали. Вместе с ним арестовали большую группу сотрудников ГПУ. Следователи растеряны, никто не знает, что будет дальше. Аресты как-будто прекратились. Прекратились и допросы.

Ночью нас, обитателей одиночек, с вещами ввели в большую общую камеру, наполненную до отказа заключенными. Шум, радостные возгласы. Споры из-за места на нарах. За 12 месяцев одиночества я отвык от людей, от шума. Оглянулся и увидел знакомых - Гольденберга, Бейнфеста, Маевского. Они тоже радостно приветствовали меня. Кое-как устроиваемся на нарах.

Гольденберг, один из первых биробиджанских переселенцев, энтузиаст и заводила, сказал:

- Все время вспоминал о погибших товарищах... Не могу примириться с их смертью. Вместе с ними погибла и наша мечта. Еврейская автономия.

- Почему погибла?

- Потому что Биробиджан - искусственное растение. Сейчас я понял: он с самого начала был обречен. Создавать автономию было бы естественно в местах традиционного размещения евреев: в Белоруссии или, скажем, в Крыму. Но Сталиным движут другие соображения. Когда японцы захватили Маньчжурию и начались пограничные конфликты, ему потребовалось заселить малолюдные приграничные районы. Задача скорее стратегическая, чем национальная. Национальные демографические факторы не учитывались вовсе, удаленность от

еврейских центров, непривычный климат, отсутствие исторических корней. Биробиджан, наверное, будет жить, но он будет обычным русским городом.

- Но ты же не станешь отрицать, что начала еврейской общины здесь положены. Действуют еврейский театр, школы, техникумы, издается еврейская газета, осела какая-то часть переселенцев. Организованы еврейские колхозы и МТС. Нас там нет, но Еврейская автономная область развивается.

- Она исчезнет, потому что уничтожен актив. Ликвидировано все, что питало, заботилось о ней. Исчезло с лица земли навсегда. После такого удара еврейское переселение заглохнет. Биробиджан уже никогда не станет центром еврейской культуры...

Дня через три заключенных стали поочередно выкрикивать наверх. Там в одной комнате представители ГПУ объявляли каждому, какое принято решение на его счет. От имени Особого совещания. С нетерпением мы ждали возвращения товарищей. Один за другим они спускались к нам со словами: «5 лет Колымы... 10 лет... 8 лет...». Без суда, заочно!? Камера снова бурлит, исходит протестами. Ясно, что нас боятся судить очно, сфабрикованные обвинения рассыплются при любом разбирательстве в суде.

Я получил 5 лет Колымы. Некоторых освободили. Из 78 заключенных, находившихся в камере, таких счастливцев оказалось 19. Среди них Бузя Гольденберг.

Я вытянулся на нарах, зарылся головой в подушку. Все во мне отчаянно кричало. Долгие годы жил за рубежом, работал в подполье. Трижды, сидел в тюрьме, откуда с трудом вырвался. И вот в стране победившего социализма кончаю Колымой. За что? Кому и для чего это понадобилось? Где найти силы, чтобы все вынести?

Через четыре дня нас направили поездом во Владивосток, где располагался транзитный лагерь. Сюда, к берегу океана, один за другим прибывали эшелоны с заключенными. Нам предстояло морем отправляться на неведомую Колыму. Рухнуло дело всей моей жизни, мечта о социалистической еврейской республике в СССР. Погибли лучшие товарищи-единомышленники. Чем жить дальше?

Баскин И.М. умер 26.10.1976 г. в совхозе "Большевик" (г. Серпухов, Московская область), похоронен на местном кладбище с. Дракино близ Протвино. Его дети знали, что их отец - не "враг народа"! И в 1992 издали книгу его воспоминаний «Салюты и расстрелы. Записки уцелевшего». г. Екатеринбург, 1992 г.